

С разрешения автора журнал «Проект Байкал» публикует отрывки из будущей книги Андрея Бокова, касающиеся российского культурного пространства. В статье проводится компаративный анализ русского культурного пространства в сравнении с европейским и восточным; преобразований, начатых Петром I и активно продолженных при Екатерине Великой; последующих этапов, включая советскую практику пространственного строительства и новейшие трансформации.

Ключевые слова: природное и культурное пространство; законмерности; изоморфность; территориальное планирование; среда жизнедеятельности; город./

Культурное пространство России / Cultural space of Russia

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

Славянофилы и Тойнби полагали российское пространство, культурный ареал России порождением особой, восточно-христианской, или православной цивилизации. Западники и Шпенглер считали и Россию принадлежащей цивилизации европейской. Правы были и те, и другие, поскольку российское культурное пространство, несомненно, уникально, но при этом трудноотделимо от пространства европейского и определяет свое состояние по общей с Европой временной шкале. И в этой двойственности нет ничего необычного, не соответствующего правилам культурогенеза.

Рождение российской цивилизации и начало истории России обычно относят к IX веку и связывают с приходом варяжских князей, с событий, напоминающих те, что произошли в Европе на несколько столетий раньше. Своим успешным стартом Европа обязана римскому наследию. Варварские города-государства Европы возникли на неостывших руинах античности. Российский ареал подобным наследием не располагал, развивался «с нуля», собственными силами и далеко за пределами того мира, где возделывались оливы и виноград – главные маркеры античной цивилизации.

Города-государства российского ареала возникали и развивались по программе, которая не была заимствована, но вполне соответствовала универсальному цивилизационному алгоритму. Русский цивилизационный ареал традиционного периода по своему устройству немногим отличался от других подобных ареалов, включая современный ему европейский, представлявший сообщество относительно самостоятельных территориальных единиц, образованных вокруг резиденции, рынка и храма. Эти единицы торгуют, враждуют, создают союзы и ведут войны как друг с другом, так и с неким «мерцающим» центром, где находится император, папа или великий князь с патриархом.

В отличие от европейских единиц, отмеченных чрезвычайной пестротой, единицы российского пространства делятся на два полярных типа. Это города-рынки – Новгород и Псков, занятые торговлей мехом и другими дарами природы, и эти поначалу временные, а затем постоянные города-резиденции, обитатели которых собирают с окрестных земледельцев налоги в обмен на покров-

ительство. Города-храмы или монастыри, как и города, где сосуществуют несколько элитарных групп, возникают реже, позже или не возникают вообще.

Прототипом традиционного средневекового города, принадлежащего христианской цивилизации, обычно считается мифический Новый Иерусалим, нематериальный, расплывчатый и несколько отличный от увиденного крестоносцами. С наступлением Нового времени идеалом европейцев становится гораздо более конкретный императорский Рим. Двести лет ордынского присутствия не воспитали в России желания превратиться в Орду и сделать из Москвы Каракорум. Вслед за западными соседями Россия, вступающая в новую фазу своей истории, также избирает стратегической моделью Рим, но в его второй, православной, актуализированной, улучшенной версии Царьграда – Константинополя. С освобождением от ига и падением Константинополя Москва ощущает себя Третьим Римом. Третий Рим со временем превращается в Новый Рим, «Град Петра», а завершается цикл страстной мечтой о кресте на Святой Софии.

В отличие от варварских государств Европы, возникших на месте Римской империи, Россия существовала вдали и от Рима, и далее от его наследника – Константинополя. Великий прототип присутствовал в виде представлений, тогда как реальное, практическое наследие досталось России от империи Чингизидов, сущностного антипода и Рима, и Византии.

Гибридность и двойственность условий, диссонанс между представлением и реальностью, между мифом и практикой приводят к тому, что поступательное движение культурного пространства замедляется, прерывается длительными паузами, а радикальные и последовательные действия замещаются вербальными декларациями и экспериментальными «пилотными» проектами-манифестами. Большинство деклараций и манифестов такого рода связаны с судьбой российской столицы.

Чтобы превратить Москву в Третий Рим, Ивану Великому, которого западные соседи не без оснований называли «императором», было достаточно построить в Кремле с помощью приглашенного итальянского архитектора центральный ансамбль и новые стены с признаками регулярности, с присутствием повторяющихся

With the author's permission, Project Baikal publishes excerpts from Andrey Bokov's forthcoming book on Russian cultural space. The article provides a comparative analysis of Russian cultural space in comparison with European and Eastern cultural spaces; transformations started by Peter the Great and actively continued under Catherine the Great; subsequent stages, including the Soviet practice of spatial construction and the latest transformations.

Keywords: natural and cultural space; regularities; isomorphism; spatial planning; living environment; city.

стандартных решений и элементов. Следующей важной декларацией о вступлении в новую эпоху становится регулярная, прямоугольная в плане Александра Слобода, столица-резиденция, русский Эскуриал, построенный внуком Ивана Великого Иваном Грозным. Все это время остальная страна живет по инерции и строится по прежним правилам, без проектов и попыток соблюдения строгого геометрического порядка. Единственная в России, оставшаяся впоследствии неперепланированной, неизменной, нерегулярная сеть московских улиц создавалась не только в далеком средневековье, но и в новое время, в царствование последних Рюриковичей и первых Романовых.

Устойчивость традиционного пространственного устройства имеет два объяснения. Это имманентный консерватизм, свойственный аграрным культурам, сопротивляющимся обновлению, и дефицит ресурсов, который в условиях нарастающей внешней экспансии вынуждал откладывать или ограничивать заботы о внутреннем пространственном переустройстве.

Проведение назревших реформ, выход из состояния застоя становится миссией Петра Великого. То, что для его предшественников было экспериментом, исключением и экзотикой, оказывается нормой практики. Реформирование институтов власти, создание регулярной армии, индустриализация экономики и вестернизация образа жизни российской элиты сопровождаются последовательным преобразованием культурного ландшафта. Ознакомившись вначале с Немецкой Слободой, накопив опыт при строительстве Лефортово, Петр создает и новую столицу, и новую модель национального пространства, делая его из аграрного городским, переводя из состояния «Рурал» в «Урбан».

Начатые Петром I преобразования активно продолжают при Екатерине Великой, подвергшей перепланировке все сколь-либо значимые города империи. В результате беспрецедентных усилий складывается особый тип российского города и российского пространства, успешно собравших и примиривших локальное с глобальным, «Рурал» и «Урбан», наследие Рима с наследием Орды.

Неповторимость судьбы российского пространства относительна. Находящаяся на противоположном фланге

Европы и граничащая с исламским миром Испания обнаруживает удивительное сходство с Россией. Объединение Кастилии и Арагона, реконкиста, последующее открытие и завоевание Америки проходят едва ли не одновременно с объединениями княжеств, освобождением России от ордынской зависимости, покорением Казани и Сибири. Первыми из европейских стран Испания и Россия выходят за пределы своих цивилизационных ареалов, становятся империями и создают на новых землях принципиально иной пространственный порядок с более крупными территориальными единицами и инфраструктурой, обеспечивающей регулярную связанность удаленных земель с метрополией.

Быстрое и успешное развитие Испании классического периода заканчивается в момент подъема России. Испания постепенно утрачивает заморские территории, тогда как России удается выстроить непрерывное двуединое пространство, состоящее из европейского «хартленда» и новых восточных территорий гигантского размера. Инфраструктура сухопутных связей, опирающаяся на зимники, проложенные еще Ордой, доказала большую надежность, чем пути через океан. Простые сани оказались эффективнее огромных кораблей.

Рождение регулярного классического города и появление архитектора-профессионала, выполнявшего проект, в Европе предшествовали возникновению централизованного сословного государства или сопровождали это событие. В России создать централизованное государство с признаками империи оказалось легче и проще, чем построить адекватное ему культурное пространство. Наметившийся во времена Ивана Великого переход от традиционного города к классическому, т. е. достижение соответствия культурного пространства и устройства жизни, занял более двух столетий. Относительное равновесие, достигнутое при Петре Великом, позволяет России утвердиться и освоиться в огромных, преимущественно естественных, границах между Западом и Востоком и впервые в истории войти в группу важнейших акторов тогдашнего мира.

К рубежу XIX–XX столетий дисбалансы и разрывы между городской элитой и огромной массой крестьян, живущих в условиях, не слишком изменившихся с неолита, различия между городом и деревней, между городским центром и окраинами приобретают драматический характер. Драматизм усиливается расколом и качественным различием элит. Крайний консерватизм и низкая эффективность властных институтов плохо рифмуются с успехами российского бизнеса и национальной экономики, достигших в ряде областей соответствия мировому уровню. Реализация проектов геомасштаба, строительство сети железных дорог, включая Транссиб, и появление целого ряда новых городов, вроде Владивостока и Харбина, тому подтверждение. Но эти очевидные успехи бизнеса уступают успехам российской культуры. Если российские власти в лучшем случае заслуживают по пятибалльной шкале тройку, а российская экономика – твердую четверку, то российскую культуру следует признать отличницей, за которой с растущим интересом наблюдает окружающий мир.

Российская мысль и художественная интуиция, долго пребывавшие в состоянии покоя и зависимости, обнаруживают редкую активность и раскрепощенность. Носителям новых представлений – актерам русского авангарда удается выдвинуть радикальный и всеобъемлющий проект нового мира. Важнейшим предметом проектирования оказывается современное культурное пространство. Русский глобальный проект появляется, когда прежняя, классическая модель европейского мира себя исчерпала, а внятные альтернативы этому проекту не просматриваются. Впервые в своей истории Россия

становится выразительницей самых передовых идей, создателем, а не импортером модели культурного пространства, и происходит это в особых условиях, в особый момент.

И традиционный, и классический города возникали относительно независимо, асинхронно в разных, не сообщающихся цивилизациях и мало походили друг на друга. Классический китайский город мало походил на классический европейский или город мая. Современный же город рождается в объединяющемся, глобальном мире, в момент тектонических, принципиальных трансформаций, в момент преодоления межцивилизационных границ и установления общего культурного времени.

Россия первой пытается объединить, систематизировать и воплотить блуждающие в умах разрозненные ожидания, идеи и проекты. Это идеи наднационального свободного человеческого сообщества, единого культурного пространства без границ, мира, живущего в одном времени, мира, связанного общей инфраструктурой. Это идеи единых социальных стандартов, создания поселений и домов нового типа, избавленных от накопившихся проблем и пороков. Советский проект был первым глобальным проектом, который перешел в фазу осуществления на всех уровнях объектов геомасштаба до отдельного дома. СССР создавался «на вырост», в надежде вобрать все без исключения страны мира. Сколь бы яркими и впечатляющими ни казались последующие открытия и достижения других стран, и современная Америка, и современный Китай продолжают, развивают, корректируют, конкретизируют, улучшают то, что было начато, запущено Российской империей назад.

С первого и до последнего дня своего существования советская модель и советская практика пространственного строительства складывались под влиянием и при участии двух компонентов: глобального, стратегического, общецивилизационного, универсального и локального, тактического, прикладного. Первый, глобальный компонент, больше влиял на целеполагание, теорию, риторику и лозунги, второй, тактический – определял практику. При этом каждый из компонентов сохранял известную независимость, что делало практически неизбежным несоответствие декларируемых целей средствам, а риторики практике. Истоки, причины этой двойственности и в природе российского миропонимания, и в драматичном разрыве между предчувствием постиндустриального мира и реалиями страны, с трудом выходящей из доиндустриального состояния. Отражением этой двойственности становится первый шаг советского правительства, связанный с пространственным переустройством, когда прогрессивная власть избирает столицей консервативную, традиционную, но более безопасную, чем Питер, Москву.

Культурное пространство мира социализма тесно увязывалось с культурным временем, которое, в свою очередь, измерялось шкалой социально-экономических формаций, меняющихся от рабовладельческой, феодальной и капиталистической к социалистической и коммунистической. Пребывание стран и территорий в определенном круге социалистического мира совпадало с фазой их развития и степенью приближенности к коммунистическому финалу. Ближе всех к заветной цели подошла Российская Федерация. Всем остальным надлежало в высоком темпе осилить остаток пути, быстро преодолевая пережитки феодализма и капитализма. Простительными пережитками считались региональные и национальные различия, которым предстояло неминуемо исчезнуть, подобно тому, как это происходило на российском пространстве.

Установка на преодоление различий и унификацию определяло внутреннее устройство Советской России,

отношения между инфраструктурой и основными территориальными единицами страны, бывшими губерниями. Эти единицы быстро лишаются институтов самоуправления, сложившихся после земской реформы, внутреннего рынка и относительно заверщенного хозяйственного комплекса. Вместе с перечисленным постепенно утрачиваются и культурные отличия, культурная самостоятельность и ощущение когда-то существовавших границ.

Взамен этого возникает единая инфраструктура отраслей народного хозяйства, управляемых из общего центра. Основой инфраструктуры становятся предприятия военно-промышленного комплекса. Движение к постиндустриальному коммунистическому миру требует если не победы мировой революции, то постепенной капитуляции врага. Коллективы предприятий при этом продолжают являться подразделениями огромной трудовой армии. Предприятия и отрасли становятся градообразующими и структурообразующими. Трудовой коллектив делается важнее соседств и территориальных сообществ. Заводы и фабрики обеспечивают жильем, продуктами питания, поликлиниками и детскими садами. Судьба большинства поселений и территорий теперь зависит от присутствия места приложения труда, его отраслевой принадлежности и мощности. Ответственность за размещение предприятий и создание между ними устойчивых связей возложены на мегаинистерства вроде Госплана, Госстроя и Госнаба, которым различия и интересы отдельных территорий, как и границы между ними, представляются несущественными и условными. Обязательными становятся общие стандарты, подходы и решения. Уступки природе не поощряются, Норильск на Крайнем Севере на должен отличаться от городов Центрального экономического района.

Российская империя была прямым продолжением национального сословного государства, воздвигавшая повсюду православные храмы, насаждающая образ жизни, культуру титульной нации. Советская Россия стала эмбрионом глобального, интернационального образования, в жертву которому была принесена ее национальная идентичность. Россия становится носительницей универсальных, общечеловеческих, социалистических стандартов, призванных заместить, вытеснить, преодолеть локальные, региональные и национальные различия.

Упорное стремление к унификации и, соответственно, единым стандартам, сочеталось со строгим соблюдением разного рода статусов и отличий. Наиболее заметная и трудно преодолеваемая граница пролегла между индустриальным городом и доиндустриальной деревней, жители которой долгое время были поражены во многих правах.

Едва ли ни самым ярким и официально признанным проявлением сегментированности как общества, так и пространства становится особый статус, особое положение столицы, вмещавшей резиденцию власти, центр распределения благ и главный храм державы – Мавзолей Ленина. Москва, ставшая перекрестком главных дорог и портом пяти морей, была признанным, законным исключением из всех правил и лидером, указывающим единое направление развития. Все города, все населенные места страны оказываются спутниками столицы, пребывающими на разных, далеких и близких от нее, орбитах. Столицы союзных республик и большие города – это представители Москвы, доверенные лица, во всем следующие ее примеру. Здесь сосредоточены национальные элиты, здесь обнаруживаются все основные признаки рождающегося постиндустриального мира вроде индустрии обслуживания и производства информации.

Опору страны, ее основу составляют промышленные, индустриальные города, предмет главных забот и средоточие основных усилий. В них воспроизводится,

воспитывается и живет самый правильный, каноничный, «советский человек». На периферии системы пребывают представители доиндустриального мира – деревни и малые города, число и влияние которых неуклонно снижается.

Советская власть не любила город, точнее, его непролетарскую компоненту, не любила мещан, обывателей, буржеров и буржуа. Но с еще большим недоверием и враждебностью относилась она к деревне, сделав само слово «деревня» синонимом безнадежной отсталости и неразвитости. И если город было решено полностью преобразить, то деревне был вынесен, по сути, смертный приговор. Ей надлежало стать невозобновляемым ресурсом, топливом для строительства нового мира. Антитезой, заменой и большому капиталистическому городу, и умирающей деревне становится новый город, избавленный от всего непонятного и ненужного власти. Непродолжительные споры и поиски, развернувшиеся в начале 1920-х годов, были прекращены с принятием безальтернативной модели социалистического города или города-завода, по сути, мало отличимого от дореволюционной слободы с мануфактурой или заводом и жильем для рабочих. Новый город превращается в инструмент решения важнейшей задачи «преодоления противоположности города и деревни».

Заменой деревням виделась сельская версия промышленных моногородов, «агрогорода», которые должны были возникнуть на месте перспективных деревень и на вновь осваиваемой целине. На практике советская деревня, так и не дождавшись превращения в агрогород, впадает в состояние хронического кризиса и утрачивает возможность кормить страну. Временным отклонением от взятого курса стало выделение горожанам пресловутых шести соток в расчете на снижение продовольственного дефицита.

Если деревня не особенно приблизилась к агрогороду или новой слободе, то город, напротив, подвергся активной «слободизации». Советская индустриальная слобода меняла имена, называясь соцгородом, новым городом или моногородом, становясь по отношению автономным районом, то новым поселением на новом месте. Новый советский город оказался замкнутым, закрытым, лишенным связей с непосредственным окружением и одновременно полностью зависимым от ему подобных или стоящих выше, над ним. По сути, это была очередная версия идеального города, избавленного от ответственности перед контекстом и обременительным культурным наследием. Удобство и простота этой модели делают ее универсальной и вполне применимой даже в условиях большого исторического города. Результатом становится появление на периферии больших городов отдельных, обширных промзон и связанных с ним, уже менее жестко, относительно самостоятельных спальных районов.

В период хрущевских реформ спальные районы, места проживания все чаще переходят под контроль городских властей, и в них возникает новая единица городской ткани – микрорайон. В британской практике, откуда микрорайон и был заимствован, его основой было местное самоуправление, прямое участие жителей в управлении землей и имуществом. В СССР основой микрорайона становится общий для всех, устанавливаемый государством стандарт обслуживания или обеспечения граждан всем необходимым и достаточным. Главным объектом микрорайона, его центром, определяющим количественные параметры, становится типовая средняя школа, находящаяся в пешеходной доступности от каждого дома. Все, что требовалось для жизни, предьявлялось в одном пакете и не предполагало возможности выбора или отказа. Прикрепление к месту жительства и пакету

услуг было столь же принципиальным, как и зависимость от места работы.

Приоритетное развитие новых городов и периферийных районов старого города прямо указывают на то, что окраины с фабриками и заводами важнее городских центров и именно окраины должны отныне определять порядок пространственного устройства всего города.

Тотальный снос храмов, за которым последовало разрушение и разуплотнение старой квартальной застройки, практически нивелировали отличия центра и периферии, делая город одинаковым в любой его точке.

Спальные районы, промзоны и моногорода постепенно оказываются пространством жизни большинства. Здесь встречаются и смешиваются два потока – старых горожан, выбравшихся из подвалов, общежитий и коммуналок, и новых, пришедших из деревень и малых городов, получивших право работать и жить в большом городе «по лимиту». При этом ни новые, ни старые горожане не являлись ни полноценными горожанами, ни субъектами градостроительной деятельности и практики среднего образования.

Средовой кризис, который был осознан спустя десятилетия, был неизбежен и в силу вполне конкретных причин, практики типового проектирования, полностью игнорирующей локальные условия, и отмены собственности на землю, уничтожения культуры землепользования. Характерное для всех городов мира столкновение интересов городского развития с интересами землевладельцев в СССР разрешилось не диалогом, а полной ликвидацией земельной собственности. Прямым следствием этого становятся потеря ощущения ценности земли, ее бесхозность и постепенная утрата людьми контроля над своим окружением. Если до середины 1950-х годов признаки землепользования, носителями которой оставались некоторые архитекторы и простые горожане, родившиеся до революции, еще сохранялись, то позднее связь домов и людей с землей была окончательно разрушена. Сокрушительный удар по этой связи был нанесен произвольным и противоестественным размещением огромных многоквартирных зданий, свободно «омываемых воздухом».

Заимствованный у континентальной Европы многосекционный, многоквартирный «социальный» дом, бывший там временным инструментом решения острой жилищной проблемы для ограниченного контингента новых горожан или людей, потерявших в итоге войны жилье, в СССР превратился в единственный и безальтернативный вариант жилища для всех. Выбор этот был практически predetermined коллективистским характером советского бытия и возможностью создания системы эффективного контроля над бытовой, частной, семейной жизнью граждан. Этапами эволюции жилья для огромного числа людей становятся койка в общежитии или казарме, «угол» или комната в коммуналке и, наконец, арендуемая у государства малометражная квартира в панельном доме, к которой в лучшие годы прилагался утешительный приз в виде шести загородных соток. Частный дом, стоящий на земле, был уделом или маргиналов из деревни, или немногих представителей элиты.

На закате советской власти массовое производство типового жилья и одинаковых объектов обслуживания обеспечивали около шестисот заводов, разбросанных по стране, и сеть огромных проектных институтов, занятых типовым проектированием и последующими привязками типовых проектов. Проектные продукты этой индустрии не реагировали на контекст и следовали довольно отвлеченным технологическим схемам, разрабатываемым научными подразделениями тех же институтов. Привычными становятся предельно упрощенные задачи, использование сомнительных, часто ложных данных и

неадекватных методик. Проектирование гражданских объектов мало отличается от проектирования промпредприятий и инженерной инфраструктуры. Стандартное и типовое, что могло бы определять минимальный, гарантируемый государством необходимый и достаточный уровень инфраструктурного обеспечения, превратился в общий ограничительный верхний предел, в итоге так и не достигнутый.

Социалистический город времен авангарда и первых пятилеток создавался из материала старого индустриального, капиталистического города путем ликвидации храмов и превращения буржуазных квартир в коммуналки. То немного, что строилось, являло собой точечные вкрапления, напоминавшие декларации о намерениях, культурные манифесты и архитектурные воззвания. Время сталинских пятилеток и послевоенного восстановления, несмотря на возросшие объемы строительства, ведущегося по преимуществу в городах, не привело к принципиальному изменению культурного ландшафта. Большая часть граждан страны по-прежнему пребывала в деревнях и малых городах и поселках. Радикальные и необратимые трансформации приходят с хрущевской модернизацией, началом массового жилищного строительства и быстрой депопуляцией деревень. Массив строящихся с этого момента квадратных метров начинает резко увеличиваться и вскоре превышает тот, что был накоплен в предыдущие столетия и годы. Типовые дома успешно заполняют пространство страны, неповоротливый и неуклюжий сборный железобетон упорно и последовательно вытесняет, замещает сделанное из дерева и кирпича [1].

Начавшиеся в 1990-х годах изменения жизненно-го уклада не привели к существенному обновлению представлений о культурном пространстве и практике его формирования. Наследие советских времен, официальное и неофициальное, было частично отвергнуто, частично адаптировано; новая доктрина приобрела «гибридные» очертания. И отказ, и адаптация не сопровождались анализом и селекцией знаний и опыта; в итоге не было создано ясной стратегии, сопоставимой с той, что предлагалась во времена СССР, что, по примеру СССР, разрабатывалось другими странами. Темы далекого светлого будущего и больших, глобальных пространств, бывшие главными и системообразующими, уходят из обращения. Общество и элита, травмированные распадом страны и тщетностью огромных, затраченных в прошлом усилий, пытаются не вспоминать все то, что может быть отнесено к глобальной повестке и вопросам терпланирования на национальном уровне. Эпитет «глобальный» приобретает негативный оттенок, интерес к общему и великому будущему для всех народов утрачивается.

Впервые за многие годы государство, федеральные власти отказываются от прямого и активного участия в пространственном развитии. Страна, бывшая лидером и примером в деле создания современного мира, построившая и перестроившая множество городов, охладела к этим компетенциям. Культурное пространство перестает восприниматься как некая целостность, распадается на фрагменты, слои и части, контролируемые отраслевыми и территориальными органами власти, не всегда согласующими свои действия. Многолетний опыт централизованного управления и координации забыт и не востребован. Основную ответственность за пространственное развитие теперь несут регионы, до того не располагающие достаточными полномочиями. В итоге так и не решенные советской властью вопросы согласованного, системного развития территорий и магистральной инфраструктуры, Севера и Юга, Востока и Запада, городов и деревень выпадают из рассмотрения. Процессы, тормозившиеся институтом прописки и контролем миграции, практиче-

ски не регулируются. Обезлюдение деревень и малых городов, отток из районов Сибири и Дальнего Востока сопровождаются ростом крупных и сверхкрупных городов с их ближайшим окружением. Этот неконтролируемый, неправляемый, стихийный рост, с которым упорно боролась советская власть, представляется благом.

Цели пространственного развития страны, ее перспективы, лица, формирующие мнения и принимающие сегодня решения, обычно связывают с созданием десяти-двадцати-сорока крупных образований, природа которых обычно не проясняется. Одни называют эти образования «агломерациями», забывая дать им внятное определение, другие с подкупающей прямотой заявляют, что речь идет о городах-миллионниках, которые становятся чуть ли не новой версией идеального города. Не больше ясности и в том, что касается внутреннего устройства поселений. На месте концепции микрорайона, опиравшегося на общенациональный стандарт, образовалась пустота, постепенно заполняющаяся ситуативными решениями, действиями по обстоятельствам, разного рода точечными реакциями местной власти и бизнеса. Ригидная, упрощенная, но целостная и последовательная модель организации советского города замещается набором несвязных и несоотносимых конструкций, сосредоточенных на неких частностях. И безответственные активисты, именуемые «урбанистами», и ответственные представители власти и бизнеса пребывают под сильным воздействием волшебных слов, средств и инструментов, гарантирующих, по их ощущениям, успех и счастье. «Цифровой город», «экогород», «компактный город», «общественные пространства» не имеют внятных определений и с трудом уживаются друг с другом.

Реальным выгодоприобретателем сложившейся ситуации и главным актором текущих процессов становится большой строительный бизнес, прямой наследник советского стройкомплекса, торгующий тем, что при советской власти раздавалось бесплатно. Строительный бизнес сохранил и рудименты советской нормативной базы, и веру в типовое проектирование, но при этом решительно ограничил область своих интересов крупнейшими и крупными городами с платежеспособным населением. Усилиями бизнеса строительная активность возвращается в центры городов, места наибольшей инфраструктурной обеспеченности и гарантиями максимальной ренты. Центры, не вызывавшие в советские времена особого интереса, начинают быстро меняться. Реакцией на их прежнюю сдержанность, холодность и скудость становится отмена любых регламентов, «праздник застройщика», обернувшийся во множестве случаях трудно преодолимым средовым «беспределом». Бизнес успешно отстаивает право строить что хочет и где хочет.

Изменения в сфере подряда оказываются менее существенными, чем те, что коснулись проектной практики. Государственный проектный комплекс, система больших институтов с собственной исследовательской базой, в отличие от стройкомплекса, не сменил хозяев, а был ликвидирован. На месте институтов возникли частные и корпоративные проектные организации с новым портфелем заказов. Сокращаются объемы материалов терпланирования, пакеты градостроительной документации, уходит каноническое типовое проектирование, зато приходит заказ на собственный дом, офис и частный интерьер. Архитектор получает возможность снова сделаться представителем свободной профессии. Проектные решения становятся вполне индивидуальными и более разнообразными.

Станным и неожиданным на этом фоне становятся практическое отсутствие профессиональной критики, адекватной рефлексии, реакции на события, исчезновение и невостребованность научного теоретического

знания, наконец, отсутствие сколь либо впечатляющих визионерских открытий. Значительный, долго копившийся, уникальный пласт профессиональной культуры утрачивается.

Советская власть благосклонно относилась к технологическим заимствованиям, но избегала и опасалась культурных, идейных внешних влияний. Переполненные идеями и открытиями русский авангард не только обеспечивал потребности национального культурного пространства, но осуществлял вполне успешный идеологический экспорт. Со временем этот экспорт сменяется неафишируемым и тщательно скрываемым, маскируемым импортом.

Хрущевская модернизация культурного пространства почти открыто опиралась на заимствованные идеи и представления, которые проходили тщательную селекцию, подвергались глубокой переработке, адаптировались к советской доктрине и становились «своими». Полвека спустя в условиях новой России интеллектуальный импорт стал использоваться напрямую, без изменений, рандомно, без понимания его природы, без анализа адекватности вызовам и оценки последствий.

Дефицит новых видений и концепций в официальном советском дискурсе времен застоя был результатом идеологических догматов, хотя и не исключал присутствия теоретического знания, во многом ограниченного, но, по-своему, целостного и непротиворечивого. Сегодня попытки создания теоретических оснований не предпринимаются, институты, способные заняться чем-то подобным, практически отсутствуют. Задачи такого рода не ощущаются актуальными, собственное знание и собственное видение востребованы крайне слабо. Официальные документы, посвященные стратегии пространственного развития, носят скорее формальный характер и слабо, мало влияют на практику. Профессиональное сообщество со своей стороны не обнаруживает большого интереса к вопросам стратегии. Снятие прежних идеологических ограничений, казалось бы, сковывавших сознание, не привело к усилению креативных настроений и рождению новых идей. Природа, характер профессиональной деятельности изменились. Пространство в первую очередь стало потребляемым продуктом, а люди, занятые пространственным развитием, стали оказывать услуги, соответствующие актуальному спросу и, как оказалось, не требующие ни присутствия стратегии, ни следования стратегическим и долговременным закономерностям. Такое состояние, являющееся сравнительно новым и неожиданным для России, в окружающем мире не является чем-то исключительным. С этим можно было бы смириться, если не принимать во внимание реальное состояние российского культурного пространства и множества дисбалансов, накопившихся за годы советской власти.

Сегодня мало кто сомневается в том, что большая часть территории страны, ее условный Северо-Восток не предполагает постоянного пребывания и проживания. Прежняя политика игнорирования принципиальных природных отличий, попытки строить и жить наперекор природе потребовали массы усилий, но особым успехом не увенчались. Будущее Северо-Востока, его судьба – это превращение в главный природный парк «планеты Земля», в пространство со строго ограниченными культурными включениями, с сетью нетравмоопасных производств и вахтовых поселений, с бережно сохраняемыми территориями проживания коренных народов и особой, специально создаваемой инфраструктурой.

Территория страны, подлежащая активному усвоению и развитию, в пределах которой сосредоточены основные города, уже не выглядит столь пугающе необъятной и безлюдной. Это пространство отчетливо делится на европейскую часть с Уралом, дальневосточную часть с

«якорными» территориями на Тихоокеанском побережье и соединяющим страну Сибирским коридором, идущим вдоль южных рубежей. Каждая из частей располагает уникальными особенностями и ресурсами и нуждается в общей, единой программе создания новой современной магистральной инфраструктуры. Без решения «дорожной проблемы», без преодоления хронического, кажущегося вечным «инфраструктурного проклятия» вход в будущее, в постиндустриальный мир крайне затруднен. Целостность страны и эффективность ее пространства трудно достижимы в отсутствии единой системы скоростных автомобильных и рельсовых магистралей, в отсутствии системы воздушного и водного сообщения, сети мультимодальных узлов, или хабов, расположенных на понятных и легко преодолимых расстояниях друг от друга. Не требует особых доказательств необходимость по меньшей мере двух важнейших шагов на региональном и межмуниципальном уровнях – объединение поселений в агломерации и группы или конурбации и обеспечение жизнеспособности, относительной самодостаточности и устойчивости регионов и межрегиональных объединений, основанных на прямых, горизонтальных связях [2].

Еще меньше вопросов вызывают шаги, которые необходимо предпринять на уровне ближайшего окружения, и касаются они, в первую очередь, радикальной трансформации национального жилого фонда. Абсолютное большинство российских семей предпочитает собственный дом на своей земле. Ежегодные объемы ввода индивидуальных семейных домов и таунхаусов, возводимых кустарно, без системной поддержки банков и властей, вопреки обстоятельствам, начинают заметно превышать объемы ввода квартир. Национальный жилой фонд наполняется более разнообразным и сбалансированным содержанием. Частный усадебный дом, став признанным и главным видом жилья, постепенно оздоровит, смягчит, гуманизирует культурный ландшафт и напомнит о правилах зонирования. Многоэтажная, высокоплотная застройка соберется в узлах ближе к центрам городов, а пригороды и «зеленые земли» останутся за семейными домами.

Обеспеченность жильем, площади общественных пространств, публичных учреждений и мест приложения труда должны повыситься в разы до некоего цивилизационного стандарта, до современной нормы. Рост этих площадей, рост участков под застройку – это рост земель поселений и развитие территориальной, «горизонтальной» инфраструктуры среды жизнедеятельности. Реальной, достижимой становится перспектива не только возвращения к жизни когда-то населенных и брошенных «неперспективных» земель, но приход современного поколения «новых городов», модель которых едва ли сложится без обращения к теоретическому знанию, без нового видения и открытий.

Литература

1. Боков, А. Негород. Часть 2 // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 16–22. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
2. Боков, А. Интра и экстра // Проект Байкал. – 2024. – № 81. – С. 108–111. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/81.2393>

References

- Bokov, A. (2021). Noncity. Part 2. *Project Baikal*, 18(68), 16-22. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
- Bokov, A. (2024). Intra and extra. *Project Baikal*, 21(81), 108-111. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/81.2393>